

С Т Е Н О Г Р А М М А

заседания "круглого стола" на тему "Совершенствование гражданского законодательства Российской Федерации: новые подходы к исчислению размера компенсации морального вреда"

26 марта 2020 года

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Уважаемые коллеги, добрый день! Хорошо ли слышно нас? Вас видно очень хорошо, за исключением Министерства юстиции почему-то.

Коллеги, к сожалению, или к счастью сегодня вот в таком формате мы проводим нашу встречу. Но, учитывая, что тема очень важная, что была проведена очень большая работа, фактически год назад на площадке Совета Федерации мы впервые, наверное, не впервые, но в очередной раз подняли тему необходимости отражения в законодательстве или в каких-то иных рекомендательных актах методики расчета морального вреда. И очень здорово, что мы нашли энтузиастов, специалистов, которые объединились под флагом Ассоциации юристов России, и предложили нам такую методику сегодня к обсуждению.

Поэтому давайте, учитывая все обстоятельства, учитывая все-таки такую сложную эпидемиологическую обстановку, давайте сразу перейдем к делу. Нам надо сегодня эту методику обсудить. По итогам нашего "круглого стола" планируется, что мы направим все материалы, с учетом замечаний естественно, направим во все заинтересованные государственные органы, прежде всего, направим

в Верховный Суд. К сожалению, сегодня Виктор Викторович Момотов не смог приехать по тем же самым причинам, здесь у нас все достаточно сложно. Но мы с ним успели переговорить, обменяться мнениями. Он в целом такой подход и такие предложения, которые сформулированы в методике, он поддерживает. Единственное, что, наверное, после уже дискуссии я тогда скажу о пожеланиях представителей Верховного Суда. Я думаю, что можно будет их учесть при подготовке наших рекомендаций.

Уважаемые коллеги, я хочу представить всех, кто сегодня с нами на связи в режиме видеоконференцсвязи. Заместитель министра юстиции Российской Федерации Денис Васильевич Новак. Старший прокурор отдела правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Олег Вячеславович Тараненко. Представители Министерства внутренних дел. Вице-президент Федеральной палаты адвокатов Михаил Николаевич Толчеев.

Председатель Комиссии Ассоциации юристов по вопросам определения размера компенсаций морального вреда, адвокат Адвокатской конторы № 22 "Гражданские компенсации" Нижегородской областной коллегии адвокатов Ирина Александровна Фаст. Ирина Александровна, я Вас хочу поприветствовать отдельно и поблагодарить Вас, потому что благодаря Вашей энергии и энтузиазму, в общем-то, мы движемся вперед. Уважаемые коллеги, Ирина Александровна сегодня со мной вместе будет соодерировать наш "круглый стол". Поэтому Ирина Александровна, я Вас приглашаю к такой работе.

И из Ростова-на-Дону я приветствую декана юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) профессора Позднышова и коллег, которых, надеюсь, Вы представите нам в ходе дискуссии.

Пожалуйста, тогда давайте начинать.

Ирина Александровна, Вам первое слово.

И.А. ФАСТ

(Плохое качество звука. Возможно искажение смысла.)

Добрый день! Огромное спасибо, что собрались вопреки всему, несмотря ни на что. Нас на самом деле намного больше, просто не всем хватило технической возможности и нас смотрят онлайн очень многие люди, переживают этому проекту.

Мы эту тему компенсации морального вреда уже обсуждали много раз на различных площадках — это и площадка Федеральной палаты адвокатов, это ...*(неразборчиво)*, это площадка Совета Федерации, научный стол. И довольно-таки большая дискуссия была в средствах массовой информации. И единственный вывод, который мы вынесли из всех этих дискуссий, он сводится к тому, что, во-первых, проблема действительно имеет место быть, проблема при взыскании компенсации морального вреда, особенно за самое ценное — за жизнь и здоровье. И проблема эта, во-первых, заключается в том, что размеры взыскиваемых компенсаций, они невысокие. А, во-вторых, отсутствует какое-либо единообразие в присуждаемых компенсационных выплатах.

И, основываясь на тех сведениях и тех выводах, которые мы собрали в результате публичных дискуссий, соответственно, комиссия приступила к разработке вот этой методики. Это была такая работа большая, серьезная. Нам кажется, что у нас получилось сделать документ хороший. На чем мы основывались? Основывались мы, конечно, на позициях российских ученых, тех позициях, которые члены комиссии посчитали разумными и правильными, основывались на действующем законодательстве, основывались на мировом опыте и основывались на тех сведениях, которые мы

получили в результате социологических опросов, которые провели в рамках работы комиссии.

И как я уже говорила, существуют две проблемы: это проблема низких компенсаций – это первая проблема, а вторая проблема – отсутствие единообразия.

И я думаю, что все участники получили нашу методику и теперь с ней ознакомятся. В общем-то, мы там подробно всё излагаем те выводы, те исследования, которые мы привели. Мы приводим кейсы, которые подтверждают действительно тот факт, что у нас в России самый тяжкий вред здоровью, а именно тетраплегия – это полное обездвижение человека с сохранением у него мысленной активности, то есть это человек, который живет и понимает, что с ним происходит. Так вот, размеры компенсации, которые взыскиваются, они составляют от 300 тысяч(?) до 1 млн 200 рублей. То есть это такой очень небольшой размер.

Если говорить о размерах компенсаций, которые взыскиваются при потере близких родственников, то там ситуация вообще другая. То есть там очень большой разрыв между этими компенсационными выплатами – от 100 тысяч до 1 млн рублей. И совершенно нет понимания оснований и какие адекватные позиции заложены при определении той или иной суммы.

В тоже время, если мы анализируем практику по другим видам взысканий и компенсаций морального вреда, в частности защиты чести и достоинства, то мы зачастую видим очень существенные суммы. И тоже методики приведены, ссылки на примеры сделок. Суммы взыскивают, допустим, 1 млн рублей с ответчика, 500 тыс. рублей. То есть цифры, которые мы в результате видим, они совершенно не сопоставимы. То есть честь и достоинство зачастую

оценивается дороже, чем самое ценное, что есть у человека, — это его здоровье, это его жизнь. Поэтому проблемы, конечно, есть.

И мы знаем, что анализировать вообще практику сложно, не просто, потому что цифры закрыты, то есть они обезличены. И для этого мы провели довольно большую работу, больше исследование, чтобы убедиться в том, что да, действительно ситуация такая.

Вы поймите, у нас есть подсказка. У нас есть данные судебного департамента целиком по Российской Федерации. Там есть отдельная строка, которая учитывает все суммы взысканий в счет компенсации морального вреда в связи с причинением вреда жизни и здоровью. Так вот, средний размер (я повторяюсь, что это средний)... *(Сбой звукового сигнала. Не слышно.)...*

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Продолжайте, пожалуйста. Что-то связь исчезла.

Что у нас со связью? ... *(Сбой звукового сигнала. Не слышно.)...*

И.А. ФАСТ

...подавляющее большинство высказалось за то, что да, действительно эти компенсации надо вводить и что они действительно помогут в сложившейся ситуации. То есть мы видим с одной стороны запрос общества, а с другой стороны — некоторую готовность, конкретно судебной системы, наверное, к тому, чтобы в этой ситуации что-то менять.

И еще тут один такой фактор немаловажный. Мы сравнили компенсации, которые высказались в 2000-х годах, и сегодня, на сегодняшний день... На самом деле, в абсолютных цифрах это примерно одни и те же суммы: 200 тысяч в 2000—2005 годах. А за это время инфляция, рост цен составлял более 5,5 раз. И размер компенсации, если бы его на сегодняшний день осовременить с тех времен, он должен составлять более 1 млн рублей (1 300 тысяч). Но

этого не произошло. То есть цифры как взываются в абсолютных цифрах 20 лет назад, 15 лет назад, 10 лет назад, так они и продолжают взываться и сегодня за редкими исключениями. То есть медианная цифра остается очень и очень невысокой.

Таким образом, убедились в том, что действительно существует проблема. Исследовав зарубежный опыт, у нас был специальный научный "стол", который подготовил большое количество публикаций (в центр также все методики есть). При исследовании зарубежного опыта мы брали как раз размер компенсации, которая присуждается за самый тяжкий вид повреждения. То есть во всех преюдициях самым тяжким видом повреждения является тетраплегия, то есть полная парализация.

И понятно, что цифры у всех разные, методики у всех разные, разный совершенно подход. Но все иные юрисдикции, они в той или иной степени опираются на какие-то ориентиры. И стороны процесса, они заранее могут предсказать, какой размер компенсации положен в том или ином случае. И, конечно же, мы обнаружили, что размер компенсации в России значительно сильно ниже, прямо от 5 до 51 раза разница составляет между компенсациями в России в среднем за одно и то же, и компенсациями в других юрисдикциях.

И, основываясь на всем вышесказанном, вышеизложенном, мы сформировали некий свой подход, о котором Артем Карапетов сейчас более подробно расскажет, то есть к чему мы пришли. Я повторяю, что подход основан на нормах Гражданского кодекса, естественно, он основан на российских реалиях. Мы стремились к тому, чтобы цифры не стремились к американским каким-то показателям или даже европейским. Мы основывались на российских реалиях, на представлениях россиян о той или иной

сфере своего здоровья, своей жизни. И нам кажется, что у нас это, в общем-то, получилось.

Вот сейчас более подробно, если Вы позволите, я передам слово Артему Карапетову, и он расскажет, что мы получили.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Ирина Александровна, большое спасибо.

Уважаемые коллеги, у меня тут небольшой был сбой связи, на какой-то период я отключилась. Но хочу всех известить о том, что ваша методика была направлена заранее всем участникам, была возможность ознакомиться подробно.

И хочу еще исправить ошибку, потому что не представила я Бабушкина Андрея Владимировича, который тоже с нами сегодня на связи, я Вас приветствую, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Я надеюсь, что Вы тоже примите участие в дискуссии.

Теперь, пожалуйста, коллеги. Ирина Александровна, представляйте Артема.

А.Г. КАРАПЕТОВ

Тогда давайте начнем. Меня зовут Артем Карапетов, я – профессор Высшей школы экономики, директор Юридического института "М-Логос", доктор юридических наук.

Вот здесь присутствуют члены комиссии, с которыми мы вместе в последние месяцы работали над этим документом итоговым и разработкой методики, которую я сейчас вкратце перескажу. Когда было осознано в рамках нашей комиссии, что необходимо что-то менять в размерах присуждаемых российскими судами компенсаций морального вреда, мы встали перед развилкой в отношении того, каким же образом можно изменить ситуацию. В том числе проанализировали зарубежный опыт и увидели несколько основных

магистральных путей, по которым двигаются разные правопорядки. Один из путей кажется самым простым на первый взгляд — это путь, который реализован в Германии, где публикуются ежегодно частным образом сборники данных о присуждаемых компенсациях морального вреда при наиболее таких типичных ситуациях — посягательство на жизнь, здоровье и личную неприкосновенность человека. Обобщаются все судебные решения в стране и краткий такой справочник ведется по видам вреда, номер судебного акта, краткое описание типа вреда и каких-то самым схематичным образом обстоятельств причинения вреда, и сумма, которую суд присудил. Ежегодно эти справочники обновляются, и суды в основном ориентируются на сложившийся консенсус в судебном сообществе. Суммы время от времени повышаются, потому что суды жестко не связаны с вот этими статистическими данными, просто фактически на них ориентируются. Естественно если возникает ощущение, что нужно повысить с учетом инфляции, они это делают, и таким образом происходит обеспечение горизонтальной справедливости, когда примерно за одни и те же виды вреда и посягательств присуждаются примерно одни и те же суммы и не возникает несправедливая ситуация, когда один получает намного больше чем другой в абсолютно идентичной ситуации.

Вторая модель, которая используется за рубежом, модель английская, где в 90-е годы специальная структура — судейская коллегия, учреждение, разработало таблицу, в которой на основе обработки опять же статистических данных за последнее десятилетие они сформировали диапазон сумм, присуждаемых за те или иные виды вреда здоровью.

Это огромная таблица, она обновляется каждые два года, публикуется в виде книжки, где казуистическим образом

перечисляются разные виды вреда: почка, глаз, рука, вплоть до этого, и разные заболевания и диапазон компенсаций. Каждые два года они обновляются с учетом новых данных, новых судебных решений, и иногда повышаются по решению апелляционного суда английского, который (просто были такие случаи) постановлял, что на будущее все компенсации, указанные в этой таблице, должны быть повышены на 10 процентов, на 20, с учетом представления о политике права и справедливости. Такой комбинированный социологический и нормативный подход, потому что с одной стороны, цифры опираются на статистику, а с другой стороны, время от времени регуляторным образом сверху, со стороны высших судебных инстанций пересматриваются.

Третий подход — это во Франции и в Италии, подход принципиально иной, сугубо нормативный и очень интересный. Мы долго разбирались в том, как этот механизм работает, и в рамках справок, которые подготовлены к этому нашему мероприятию, подробно описано, как работает французская и итальянская модель. Она работает через систему баллов, когда каждому виду вреда здоровью присваивается определенное количество баллов, а за каждый балл определяется определенная сумма компенсации в зависимости от возраста потерпевшего. Чем ближе вред здоровью к тетраплегии, к самой максимальной по тяжести ситуации, которой присваивается 100 процентов, 100 баллов из 100, получается там определенная сумма, умножается на возраст потерпевшего, и получается компенсация достаточно большая. Во Франции и в Италии компенсации как раз в 50 раз выше наших, даже с учетом поправок на паритет покупательной способности и тому подобные вещи. Италия и Франция, кстати, также как и Германия, они рекордсмены по размерам компенсаций в Европе.

Мы оценили все эти методики и выработали свой подход, как мне кажется, более адекватный нашим современным реалиям. Почему был отвергнут немецкий подход, сугубо статистический? Причина простая. Дело в том, что можно было бы, если например Верховный Суд изменил подход и перестал ориентировать суды на закрытие суммы компенсации морального вреда в судебных актах, между прочим, сейчас уже можно много встретить судебных актов, где эти суммы не закрываются, можно было бы в рамках некоего такого социологического исследования обработать все эти судебные акты и подготовить такие справочники. Мы бы решили проблему унификации присуждаемых компенсаций, но мы бы не решили проблему справедливости и недокомпенсации, мы бы ее укоренили. Потому что все суды видели бы, сколько присуждается за потерю ребенка или тетраплегию – потерянную руку, слепоту и так далее, и оказалось бы, что средние суммы смехотворны, это размер зарплаты одного московского менеджера высокопоставленного. И это бы укоренило эту проблему и проблему несправедливости мы бы не смогли решить.

Поэтому был выбран другой способ решения проблемы – выработана методика, которая позволяет сориентировать суды на определение размера компенсации по нескольким видам вреда, или точнее посягательств: посягательства на здоровье, посягательства на жизнь, на неприкосновенность физического тела человека без долгосрочных последствий для здоровья и так далее. И сама эта методика, которая предложена, она, если вкратце, основывается на следующей идее. Мы вырабатываем базовый сценарий наиболее среднестатистический, который может быть, в рамках, например, посягательства на здоровье человека. Берем сценарий тетраплегии и среднестатистическая ситуация – человек среднего возраста попадает

в такую драматическую жизненную ситуацию, где ему до конца жизни придется находиться в беспомощном состоянии и быть зависимым от ухода со стороны третьих лиц, не имея возможность пошевелить ни рукой, ни ногой. И путем анализа статистических данных, которые мы получили в рамках социологических опросов, в том числе опросов среди юристов, это более тысячи с лишним человек, в рамках сопоставления с зарубежными данными, с учетом поправок на паритет покупательной способности и уровня доходов в нашей стране, который, конечно же, намного ниже, чем в той же Франции, мы вышли на сумму в 4,5 млн рублей для сценария тетраплегии и с учетом средних, усредненных данных о различных значимых обстоятельствах (форма вины, обстоятельства причинения вреда и так далее).

Далее. Таким же образом мы определяем базовую вменяемую компенсацию для других посягательств: гибель близкого человека; причинение временного дефицита здоровью, который в итоге был устранен в результате лечения; и посягательства на физическую неприкосновенность, не повлекших вред здоровью (например, удар током или изнасилование, не повлекшее физического вреда здоровью, долгосрочного).

Мы определяем базовые вменяемые компенсации для стандартных среднестатистических сценариев. Это суммы, по которому нашему юридическому сообществу надо просто будет договориться. Их научно обосновать невозможно. Это вопрос консенсуса в обществе, который определяет вот почему в этом обществе такой вред (примерно, в среднем) стоит столько-то, а в другом обществе иначе. Каждая страна решает вопрос по-своему. Анализ зарубежного опыта показывает, что здесь суммы могут

расходиться принципиально. Например, северные европейские страны присуждают на несколько порядков меньше, чем в Италии и Франции за один и тот же вид деликта.

Так просто договорились, в контексте наднациональной(?) культуры и особенностей экономики, социального государства, каждая страна, юридическое сообщество, судебское сообщество внутри этой страны решает. Поэтому здесь надо просто найти консенсус. В конечном итоге, сейчас этот консенсус есть. Вот те суммы, которые суды взыскивают, фактически несколько сотен тысяч рублей за тетраплегию (в среднем 400–600 тысяч), – это тоже консенсус. Он просто кажется жутко несправедливым, но это консенсус. Мы просто предлагаем этот консенсусный показатель поднять в качестве базовой вменяемой компенсации.

Далее. На втором этапе методика предлагает уточнять размер этой базовой вменяемой компенсации с учетом обстоятельств конкретного кейса.

При этом мы здесь оказываемся перед развилкой – либо сказать суду, что в рамках методики, что есть базовая вменяемая компенсация для обычных средних сценариев при определенном наборе факторов (например, неосторожность как форма вины, отсутствие вины потерпевшего и так далее). А далее с учетом индивидуальных особенностей конкретного спора и конкретных обстоятельств, суд может повышать или даже иногда понижать размеры этих компенсаций с учетом, например, вины потерпевшего и каких-то иных обстоятельств, но он должен обосновать отклонение. Либо попытаться все-таки структурировать рассуждения судьи (опять же рекомендательным образом), предложив ему некую методику корректировки базовой вменяемой компенсации с учетом конкретных обстоятельств.

Мы используем наработки профессора Эрделевского и некоторых других наших коллег, которые уже не первый год думали на эту тему, предлагали различные методики.

Мы предложили свою методику корректировок с учетом ключевых факторов, которые согласно Гражданскому кодексу и базовых представлений о справедливости, должны учитываться при определении размера компенсаций. Это форма вины причинителя вреда, наличие или отсутствие вины потерпевшего, индивидуальные особенности потерпевшего и другие обстоятельства, которые могли бы повлиять на индивидуальную степень страданий и ряд других факторов. Методики все обозначены. Думаю, нет смысла сейчас подробно их разбирать. Если будут вопросы, можно будет обсудить.

Но в целом в рамках этой методики мы предлагаем суду рассуждать следующим образом. Он должен сопоставить те обстоятельства, которые имели место в его деле, сопоставить их со сценарием, который учтен при определении базовой вменяемой компенсации. И если эти обстоятельства отклоняются от базового сценария в ту или иную сторону и в той или иной степени, он может пропорционально тому насколько, например, конкретная ситуация отличается от сценария, учтенного при определении БВК, повысить или понизить размер компенсации в рамках тех или иных диапазонов.

Например, если в рамках базовой вменяемой компенсации в сценарии, который заложен при определении базовой вменяемой компенсации в размере 4,5 миллиона для самого тяжелого вреда здоровью, постоянного вреда здоровью, — тетраплегии, заложена такая форма вины как простая неосторожность, а в его деле имеет место умысел, — методика предлагает умножать базовую вменяемую компенсацию на 2.

Получаем 4,5 на 2 – получаем 9. И примерно таким же образом корректировать базовую вменяемую компенсацию с учетом всех остальных значимых и подлежащих учету согласно Гражданскому кодексу и представлению о справедливости обстоятельств. Итоговые суммы не являются рекомендуемым значением, вряд ли можно говорить, что это абсолютно жесткая какая-то сумма, от которой суд ни в коем случае никуда не может отклониться. Возможно, будут иметься какие-то иные обстоятельства, которые подлежат учету, но мы в рамках вот этих коэффициентов уточняющих постарались учесть все возможные обстоятельства, которые должны влиять на определение итоговой суммы компенсации.

В конце методики предложены примерные расчеты на иллюстративных делах, которые показывают, какие суммы могут быть присуждены судом, если он будет использовать данную методику для ряда сценариев. И сопоставление этих сумм с теми суммами, которые называли юристы в рамках социологического опроса среди юристов, также называли обычные граждане в рамках опроса среди граждан, показывает, что то, что у нас получается, примерно соответствует, иногда там некоторые отклонения могут быть, но незначительные, тем медианным значениям о справедливой компенсации, которые демонстрировали юристы и люди в рамках тех или иных опросов. Мы их опрашивали не только по вопросу "считают ли они нормальным сложившуюся ситуацию и нужно ли ее менять", но и задавали им целый ряд кейсов с подробными обстоятельствами и с предложением определить справедливый размер компенсации. Учетная медиана, обратите внимание, именно медиана, потому что средняя еще выше была, учетная медиана, полученная медиана в рамках этих исследований примерно

соответствует тому, к чему приводит применение нашей методики. В общем и целом если вкратце рассказывать, то в двух словах суть данной методики я изложил. Спасибо, коллеги.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Большое спасибо, Артем Георгиевич.

У меня просто камера находится в одном месте, а вижу я Вас в другом, поэтому как-то вот туда-сюда получается, взгляд увожу. Большое спасибо и за подготовку очень качественную. Понимаю, что Вы являлись, наверное, главным идеологом разработки этой методики. Спасибо, что упомянули Александра Марковича Эрделевского, потому что действительно в этой сфере не так много ученых юристов, которые достаточно глубоко на теоретическом уровне эту проблему разрабатывают, Александр Маркович один из них.

Вопрос, который меня попросил задать Виктор Викторович Момотов, и я его сейчас задам, даже два вопроса. Скажите, пожалуйста, почему Вы решили остановиться на твердой сумме, а не привязаться, допустим, к минимальному размеру оплаты труда при определении вот этой базовой величины медианной?

И второй вопрос: не считаете ли Вы необходимым установить минимальный и максимальный размер, для того чтобы у судьи было больше усмотрения при определении базовой, начальной величины?

А.Г. КАРАПЕТОВ

Спасибо.

По первому вопросу. В методике написано, что вот эти суммы в рамках методики упоминаются в рублях для наглядности, чтобы все, кто читают методику, могли понимать, о каких суммах вот сейчас идет речь. Но дальше там указано, что при утверждении методики желательно перевести рублевые показатели в МРОТы или

иные условные единицы, для того чтобы каждый год потом не поправлять эти суммы с учетом инфляции. Просто сейчас в рамках основного текста используются рубли, чтобы мы понимали, о чем идет речь. Но методика предлагает при утверждении перевести эти рублевые показатели в условные единицы, например, в МРОТы или величину прожиточного минимума и другие, тут уже дискреция, мне кажется, того, кто будет утверждать эту методику, какой показатель. И взять главное, чтобы он позволял автоматически корректировать суммы с учетом инфляции. Тут такая есть развилка, мы обсуждали в рамках группы, не стоит ли для разных регионов устанавливать разные показатели: брать, например, величину прожиточного минимума в конкретном регионе, в котором проживает потерпевший, имея в виду, что одна и та же сумма в Москве и в Тамбове, например, или где-то еще, может иметь разную ценность с учетом уровня цен и уровня жизни в этом регионе.

Но этот подход мы не включили в методику, потому что он был признан несколько дискриминирующим и достаточно спорным с точки зрения того, что получается, один гражданин Российской Федерации, проживающий в одном регионе, за один и тот же вид вреда здоровью, ту самую тетраплегию условную, будет получать больше, просто потому что он живет в Москве, например. Поэтому этот вариант был отвергнут.

Что касается второго Вашего вопроса, насчет диапазона. Вот диапазон — это альтернативный подход, который может использоваться. Мы его отвергли, но он теоретически обсуждаем. В Англии, например, такой подход: вот тетраплегия — от 380 до 420 тыс. фунтов к примеру. И вот в этом диапазоне суд определяет компенсацию с учетом возраста потерпевшего, каких-то особенностей дела, формы вины и других обстоятельств. Мы этот

подход отвергли, потому что предложили использовать методику более точную с поправочными коэффициентами. Почему? Попытаюсь сейчас вкратце изложить. Дело в том, что как только мы начнем определять диапазон для того или иного сценария, например, гибель близкого человека, окажется, что обстоятельства могут быть очень разные. И для каких-то одних ситуаций справедливой будет компенсация достаточно невысокая действительно, для каких-то очень высокая. И диапазон будет получаться большим, и нижняя граница диапазона может оказаться проходящей по тем примерно суммам, по которым сейчас рассчитывается компенсация российскими судами. Потому что могут быть обстоятельства, в которых действительно в силу, например, вины потерпевшего или формы вины причинителя, к примеру, нет вины причинителя вреда, когда ответственность без вины наступает по российскому законодательству при управлении транспортным средством. И ряд иных обстоятельств будут указывать в пользу того, что справедливая компенсация более низкая. Нижняя граница диапазона может оказаться не очень высокой, а зная практику и реалии российских судов, очень высок риск того, что они и будут по этой нижней границе присуждать компенсации, если не попытаться структурировать их рассуждения и их подсчет компенсации более точно, как мы и попытались сделать в рамках нашей методики. У нас просто есть уже опыт в России, когда устанавливается на уровне разъяснений Верховного Суда какая-то нижняя граница чего-то, что вообще-то должно определяться с учетом дискреции суда, так случается в силу различных обстоятельств, что суды присуждают эти компенсации по нижней границе. Например, когда было предусмотрено в рамках разъяснений высшей судебной инстанции, что неустойка не может снижаться ниже двух показателей ключевой

ставки, ну и суды стали снижать до этой нижней границы. Долгое время это происходило именно так, сейчас начались изменения в последние годы, но в целом тенденция такая. Вот мы этого опасались, хотя это один из альтернативных вариантов, который может обсуждаться, но был нами в итоге пока в рамках методики отвергнут.

Мы берем базовую вменяемую компенсацию за среднестатистический сценарий и предлагаем суду отступать от нее в сторону увеличения или в сторону понижения с учетом поправочных коэффициентов, каждый из которых отвечает за конкретный вид значимых обстоятельств: форма вины причинителя, степень вины потерпевшего и так далее. Это просто другой подход. Мы предлагали вот именно такой.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Спасибо большое.

Артем Георгиевич, если позволите, еще один вопрос и вопрос, который я, наверное, всем участникам сегодняшней дискуссии буду задавать. Как Вы себе представляете, в какой документ должна быть обличена эта методика, вот на каком уровне эти рекомендации должны быть закреплены?

А.Г. КАРАПЕТОВ

Мне кажется, если Ирина позволит, тут возможны разные варианты, даже зарубежный опыт показывает разные подходы. Например, в ряде стран методики подробные с таблицами, с баллами и так далее, утверждаются судами. Например, во Франции и в Италии это суды, причем некоторое время в Италии конкурировали разные таблицы: миланские, римские таблицы. В итоге была признана одна из таблиц, одна из методик признана более адекватной и вроде бы сейчас ее в основном все суды используют.

Во Франции тоже это судебные таблицы, суды давали такие рекомендации, причем в разных регионах. А постепенно Кассационный суд Франции утверждал ту или иную методику в качестве рекомендуемой в целом для остальных судов.

То есть один путь – это Верховный Суд дает рекомендации для расчета компенсации морального вреда. Второй путь – законодатель вносит поправку в Гражданский кодекс, в статью о моральном вреде, где бланкетная суточная норма появляется о том, что рекомендации по расчету компенсации морального вреда при тех или иных видах посягательств могут утверждаться постановлением правительства, например. И делегируются компетенции утверждения таких рекомендаций правительству. Третий путь – законодатель сам принимает законодательный акт, утверждающий эти рекомендации. Более спорны с точки зрения теории права подход, имея в виду, что рекомендации и закон. Но, наверное, тоже можно найти какие-то примеры, когда закон утверждал рекомендации. Это третий путь.

Четвертый путь – эволюционный. Не кажется оптимальным, но теоретически он, конечно, может быть тоже реализован. Если, например, эту методику поддержит не только Ассоциация юристов России, но и будет какая-то бумага неофициальная или официальная, по которой эту методику поддержат разные структуры, в том числе авторитетные, и какой-то из судов решиться использовать эту методику при определении размера компенсации морального вреда, ничто в принципе ему это не запрещает сделать, либо он не связан этой методикой, он просто ее использует в рамках реализации своих дискреций. А впоследствии Верховный Суд при рассмотрении конкретных кейсов или в рамках ответов на вопросы признания досудебной практики ежеквартально даст разъяснение, что да, такая методика может использоваться судами в том числе при расчете

морального вреда, появляется окно возможностей эволюционного развития практики использования такой методики, когда суды начнут понимать, что Верховный Суд поддерживает и в конкретных ответах на вопросы, и при рассмотрении в кассационном порядке конкретных дел, появляется возможность постепенно утвердить эту методику снизу.

Кажется, что простой, прямой путь – это не ждать, когда какой-нибудь судья решится, мы можем ждать очень долго этого, а каким-то образом сверху со стороны законодателей или Верховного Суда подстегнуть утверждение этой методики или иной какой-то методики, уточненной методики. Но та или иная методика должна появиться.

Вот есть несколько путей. В принципе мы в рамках рабочей группы ставили себе задачу, скорее, подготовить саму методику, а уж тактический вопрос, как ее реализовать, тут выбор за теми, кто принимает такие решения.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Артем Георгиевич, спасибо большое. Я поняла Вашу позицию. Но тем не менее нам по итогам сегодняшнего разговора нужно выработать рекомендации, которые будут направлены в том числе и в Верховный Суд. Поэтому из четырех возможных путей все-таки надо на каком-то остановиться. Понимаю вашу такую позицию независимую, но тем не менее все равно буду просить от Вас конкретных предложений.

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, переходим к дискуссии. Я бы хотела сразу попросить выступить Дениса Васильевича Новака, Министерство юстиции. Пожалуйста.

Д.В. НОВАК

Добрый день, коллеги! Безусловно, очень важная работа была проведена комиссией Ассоциации юристов России. Я тоже участвовал в работе этой комиссии как эксперт. Безусловно, наличие такой методики, конечно, позволит, на мой взгляд, нормализовать ситуацию, связанную с тем, что действительно нередко люди с удивлением узнают о таких размерах компенсации морального вреда, которые иногда присуждаются, которые сами по себе могут причинить страдания в связи с тем, насколько диссонанс получается между этим размером. Лучше бы не присуждали ничего, чем в таком размере.

И зарубежный опыт показывает, что какие-то подходы к решению этой проблемы, они в разных странах существуют. Еще раз повторяю, большая работа здесь была проведена. И, на мой взгляд, такой был выбран взвешенный путь — это определение неких базовых вменяемых сумм, которые могут в дальнейшем с помощью тех или иных коэффициентов, основанных на тех критериях, которые предусмотрены Гражданским кодексом, учитываться уже при выборе конкретной суммы.

Что касается формы, в которой могла бы быть методика доведена до судов, мне кажется, что здесь предрешать сейчас эту форму не нужно, но совершенно точно очевидно, что ключевое слово в этом вопросе будет за Верховным Судом, насколько он отнесется к тому, что возможно применение таких методик. Непосредственно если касаться вопросов по существу, которые затрагивались, я бы здесь остановился на двух.

Первое. Уже упоминался вопрос о том, не нужно ли установить некий минимальный и максимальный диапазон компенсаций? Артём Георгиевич правильно сказал, какие риски с этим связаны, и, учитывая итак, в принципе, сейчас ситуацию такую,

при которой минимальные размеры весьма невелики усредненные, я бы, пожалуй, здесь основной задачей видел концентрацию на том, чтобы установить действительно минимальные размеры, ниже которых рассуждать, в общем, не следует. И речь, конечно, идет именно прежде всего о тех ситуациях, которые описаны в методике, — это причинение морального вреда в связи с вредом жизни и здоровью людей. Здесь, конечно, наиболее очевидным является то, что некие планки нижние точно установить нужно.

Насчет верхних планок, полагаю, что не следует заострять внимание на верхних планках, не следует в данном случае суды как-то здесь ограничивать возможностью увеличивать в каждом конкретном случае размеры компенсаций. И, думаю, что в принципе можно было бы даже и формулировку применять такую, что в методике указывать, что не менее такой-то суммы должны присуждаться в тех или иных случаях, и вообще не акцентировать внимание на каких-то максимальных планках, чтобы вот этим подспудно не ограничивать в этом отношении суд, потому что где-то суд может прийти к выводу о том, что при наличии какой-то максимальной планки нужно установить компенсацию выше.

Второй момент, который мне кажется важным и лучше избежать отражение подхода, который сейчас в методике зафиксирован, это, думаю, нужно аккуратнее относиться к такому показателю, как коэффициент индивидуальной степени страданий, который предлагается использовать в методике как в качестве повышающего показателя. Ну, например, если речь идет о том, что сломали руку пианисту или, там, ногу танцору, который, мало того, что в принципе физические страдания претерпел, он еще и не может дальше продолжать деятельность профессиональную.

В качестве повышающих коэффициентов, я думаю, индивидуальный коэффициент степени страдания применять нужно, но когда мы начинаем его использовать в качестве понижающего коэффициента... В методике приведен пример, как боксеру сломали нос, но, боюсь, что если по этому пути пойти, будут возникать очень сложные этические вопросы, где, действительно, пойдет речь уже просто о дискриминации. Ну, например, если человек лежит в коме, он вроде бы с меньшей остротой может испытывать определенные виды страданий, но странно было бы на этом основании снижать размер компенсации, или если речь идет о людях с ментальными нарушениями. Поэтому, думаю, здесь в этом отношении лучше избежать использование этого момента, а в качестве снижающих коэффициентов применять только то, что является общими основаниями для снижения размера вреда, если речь шла о вине потерпевшего, например, и так далее.

То есть, да, конечно, как правильно в методике отмечено, что согласно и 151-й и главы 50, что индивидуальность и особенности потерпевшего должны учитываться при определении размера компенсации, но, думаю, что здесь именно следует пойти по пути, что речь должна идти об использовании этого коэффициента как повышающего, только чтобы не попадать в эти очень сложные этические ситуации.

Конечно, ключевой в данном случае будет вопрос, какая сумма в итоге будет утверждена в качестве базовой. Она не должна быть низка. В дальнейшем, я думаю, конечно, суды, опираясь на эту методику, смогут находить справедливые решения, при этом имея перед собой такой понятный алгоритм расчета соответствующей суммы.

В целом, конечно, работа проведена очень большая, важная, и, думаю, она должна быть востребована в правоприменительной практике.

Спасибо.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Денис Васильевич, спасибо большое.

Если позволите, тоже Вам два вопроса.

Скажите, пожалуйста, сумма, которая определена в качестве базовой, не вызывает у Вас возражения и с точки зрения исполнимости затем тех судебных решений, которые могли бы быть приняты на основании этой суммы? Один вопрос.

Д.В. НОВАК

Коллеги здесь опирались на социологические опросы. Если это необходимо, возможно, следует провести более масштабные социологические опросы, взять выборку именно... Все-таки я думаю, были определенные ограничения по ресурсам у коллег. Возможно, для того чтобы выверить этот вопрос, можно было бы еще раз провести более широкомасштабные социологические исследования. Комментировать это можно только с точки зрения того, насколько действительно в нашем обществе, именно в российском обществе, люди считают адекватными те или иные размеры. Поэтому с этой точки зрения, если общество считает такие суммы адекватными, значит, можно довериться этим данным.

Общий вопрос по поводу того, насколько могут исполняться судебные решения, безусловно, все судебные решения обязательны к исполнению. И если суды будут присуждать соответствующие суммы, значит, они должны исполняться в обязательном порядке.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Просто памятуя недавнюю дискуссию по поводу поднятия штрафов за превышение скорости, которая вызвала достаточно бурную реакцию в обществе, сразу стали связывать и с материальными ресурсами, и с заработными платами, и так далее, поэтому я предположу, что если такой опрос будет проведен, то, конечно, мы получим совершенно разные мнения.

В связи с этим, насколько Министерство юстиции здесь может оказать нам содействие в проведении такого опроса по подведомственным хотя бы вам структурам в рамках отрасли? Потому что важно мнение, конечно, каждого гражданина, но важно мнение и профессионалов здесь. Можете ли Вы нам оказать содействие? Я просто рассмотрю с точки зрения рекомендаций, которые мы могли бы Вам направить и попросить Вас посодействовать в этом ключе.

Д.В. НОВАК

Безусловно, любые предложения, если будут направлены Минюстом, будут рассмотрены и по ним сформирована позиция. Я еще раз здесь повторяю, что я здесь как эксперт, скорее, член комиссии и социальную позицию не выражаю с этой точки зрения, но, безусловно, будут изучены внимательно все предложения, которые будут представлены.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Большое спасибо, Денис Васильевич.

Уважаемые коллеги, Олег Вячеславович Тараненко. Пожалуйста.

О.В. ТАРАНЕНКО

Уважаемые коллеги, здравствуйте! Меня хорошо слышно?

Спасибо большое за возможность выступить. Действительно, важная, актуальная тема.

Что хотел сказать? Генеральная прокуратура со своей стороны полностью поддерживает ту работу, которую провела Ассоциация юристов России. Полагаем, что установление единых методических подходов к установлению размера компенсации морального вреда действительно будет способствовать и обеспечению единообразия правоприменения, устраним имеющиеся проблемы, связанные с тем, что зачастую действительно у нас имеются перекосы.

И не буду повторять то, что сказано было коллегами в выступлениях, но на что хотелось бы обратить внимание: а почему мы, собственно говоря, пришли к такой ситуации?

Во многом, наверное, это связано с тем, что действительно при установлении размера компенсации морального вреда, то есть как в статье 1001 указано, она определяется судом, и это исключительно как бы суверенное право суда. И на самом деле получается, что во многом при анализе правоприменения мы видим, что зачастую получается, что это суверенное право суда первой инстанции, которое в дальнейшем при последующем пересмотре дела... И надо сказать, и прокуроры тоже зачастую, бывает, при анализе и установлении вот этого определения судом размера компенсации морального вреда считают, что суд принял во внимание, установил фактические обстоятельства дела, оценил личность потерпевшего, причинителя вреда и определил размеры компенсации. И мы не будем в этот вопрос вторгаться, не будем его пересматривать, если нет конкретных нарушений норм материального права, если действительно не учтено то, что Гражданским кодексом указано в качестве обстоятельств, которые подлежат обязательному учету, что называется, речь идет о грубой неосторожности самого потерпевшего и иных обстоятельствах, о которых всем известно.

Но в данном смысле появились некоторые подвижки. Наверное, коллеги в курсе. Я про недавнюю практику Верховного Суда, которая с октября 2019 года, с осени 2019 года начала складываться. Вот серия определений Верховного Суда вышла, именно по которым судебная коллегия по гражданским делам отменила целый ряд нижестоящих актов со ссылкой на то, что нарушение, неправильное определение судом, неучет обстоятельств, связанных с личностью истца, недостаточное исследование судом вот этих обстоятельств, связанных с личностью истца, с пережитыми моральными и нравственными страданиями, является основанием, свидетельствующим о незаконности и необоснованности такого судебного постановления. То есть посчитал, что вот эти основания являются достаточными для отмены его даже в кассационном порядке.

То есть на что хотелось бы обратить внимание? Что интегрируя и устанавливая такую методику, имея такой материально-правовой инструмент, еще необходимо и нам до конца понять, как мы в последующем можем обеспечить его единообразное применение на практике и как в последующем суды, во-первых, будут его в первой инстанции применять и как в последующем на всех этапах можно будет контролировать применение этой методики и чем будет являться отклонение судов от этой методики, когда суд в апелляции или суд в кассации увидит, что суд первой инстанции здесь вышел за пределы.

В этом плане хотелось бы поддержать коллег и сказать, что чем в данном случае будет больше в этой методике определенности, больше будет ясности, чем должен руководствоваться суд при снижении и при уменьшении, тем больше в последующем и в апелляции, и в кассации можно будет конкретно нам понимать, где

здесь есть отклонения и есть ли тут основания для уменьшения или для увеличения для изменения судебного акта в ту или иную сторону.

Поэтому хотелось бы отметить, что здесь утверждение такой методики действительно послужило бы важным именно толчком для судебной системы, для того чтобы изменить подходы к установлению размеров компенсации вот этого морального вреда. Потому что мы все говорим про справедливость, и это действительно правильно, и про соразмерность, но надо же учитывать, что судья, рассматривающий спор о возмещении вреда здоровью, он же может быть судьей, который в суде рассматривает эти споры в течение 10, 20, 30 лет. И 10 лет судья присуждал вот эти компенсации в таком размере. И когда он получает новое дело с похожими обстоятельствами, если он вдруг в один прекрасный день решит присудить в четыре раза больше, ему для этого нужны веские основания. И, конечно, утверждение такой методики само по себе уже и послужит таким, что называется, основанием, для того чтобы судьи смогли и в этом плане обеспечить, что называется, для себя внутреннее ощущение справедливости, что вот у них будут основания, для того чтобы, собственно говоря, перевернуть лист, перевернуть эту предыдущую практику и уже от чего-то нового отталкиваться. Поэтому мы, со своей стороны, эту работу полностью поддерживаем, считаем, что...

Что касается того, каким актом должно быть установлено... Надо сказать, что, если действительно это будут разъяснения Верховного Суда, конечно, прямо, впрямую, наверное, это ничему не противоречит. Но, конечно же, если в такой форме будут утверждены таблицы и будет прямо установлено, сколько миллионов рублей, мы можем сказать, что это будет, наверное, уникальное разъяснение. Раньше Верховный Суд по крайней мере похожих

разъяснений не давал. И на это, наверное, необходимо в первую очередь позицию Верховного Суда, позицию коллег послушать, насколько это возможно будет сделать.

Что касается того, можно ли это сделать, если мы в Гражданский кодекс введем какую-то действительно отсылочную норму, будет у нас установлена возможность установления Правительством Российской Федерации таких рекомендаций, — здесь надо действительно над этим подумать. И опять надо прежде всего подумать над тем все же, что мы принимаем — рекомендации, то есть нормативные свойства этого акта, насколько они будут... Потому что постановление Правительства Российской Федерации — все-таки это должны быть, наверное, скорее четкие суммы установлены. А что касается именно рекомендаций, здесь, наверное, тоже необходимо подумать.

Действительно, это вопрос нетривиальный, требует дальнейшего обсуждения. Мы готовы к нему подключиться. Но саму идею, еще раз повторяю, мы поддержим. В случае принятия прокуроры будут готовы приступить к ее реализации, мы незамедлительно обеспечим все территориальные органы этими методиками, готовы оказать методическую помощь и готовы полностью, если она будет утверждена, в правоприменении ее использовать.

Спасибо большое.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Большое спасибо, Олег Вячеславович. Мы, безусловно, направим Вам просьбу, чтобы Вы изложили свою позицию письменно, я имею в виду позицию прокуратуры. Спасибо большое.

Уважаемые коллеги! Бабушкин Андрей Владимирович, пожалуйста.

Не слышно пока, не слышим Вас. Надо что-то нажать на микрофоне. Не слышим Вас.

А.В. БАБУШКИН

Нажимаю. Сейчас слышно?

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Да, всё.

А.В. БАБУШКИН

Сейчас слышно.

Уважаемая Ирина Валерьевна, уважаемые коллеги! Я думаю, что мы обсуждаем очень важный вопрос, который волнует сегодня многие миллионы россиян. Обсуждая с потерпевшими, с обвиняемыми, с прокурорами, судьями эту острую проблему, я должен сказать, что мне, наверное, не попался ни один человек, который считал бы, что на сегодняшний день система взимания, назначения возмещения морального вреда и его выплаты является справедливой.

В первую очередь, конечно, люди обеспокоены тем, что моральный вред явно назначается в заниженном варианте. Я полностью согласен с господином Новаком в том, что иногда эта процедура его взимания, процедура судебного рассмотрения и сумма назначенных компенсаций сами по себе становятся серьезной психотравмирующей ситуацией для потерпевших.

На что я хотел бы обратить внимание?

Первое. Я думаю, что в основу, конечно, надо класть такой критерий, как прожиточный минимум, потому что он наиболее привязан к реалиям уровня жизни человека.

Второй момент. Я думаю, что надо нам обратить внимание на самого плательщика вреда, плательщика вот этих сумм. Дело все в том, что очень правильно был поставлен вопрос об исполнимости

судебного решения. Я хочу напомнить вам, что на сегодняшний день у нас в местах лишения свободы работают только 35 процентов осужденных. Средняя заработная плата составляет у них около 14 тыс. рублей. При этом на лицевой счет они получают примерно 6 700 рублей. То есть если такому человеку, осужденному, скажем, к пяти годам лишения свободы, назначить миллионное или трехмиллионное возмещение вреда, мы прекрасно понимаем, что, как бы этот осужденный ни старался, реализовать данное судебное решение ему практически не удастся.

Поэтому я прошу тоже помнить про этот момент. И, наверное, мы должны дополнить статью 151 Гражданского кодекса нормой о том, что учитывается все-таки и личность плательщика.

В частности, я бы предложил ввести понижающие региональные коэффициенты в зависимости от того, где проживает плательщик причиненного вреда. Понятно, что не может быть уменьшения в разы, но на какой-то объем процентов... мне кажется, для человека, который живет в депрессивном регионе, где средняя зарплата с трудом добирается до 25 тыс. рублей, эти вещи тоже надо иметь в виду.

Очень важно, кто является причинителем вреда: физическое или юридическое лицо, потому что одно дело заключенный, который год стоит в очереди, чтобы его трудоустроили, другое дело — крупная фирма, которая обладает достаточными ресурсами, чтобы одномоментно выплатить даже самую большую сумму возмещения морального вреда. Поэтому я бы предложил еще ввести такой коэффициент как недобросовестность плательщика, когда установлено, что плательщик обладает ресурсом для того, чтобы возместить моральный вред, но всяческим путем всевозможных ухищрений, проволочек не выполняет возложенные на него судом

обязанности. Я за то, чтобы такой плательщик платил больше и чтобы у него был соответствующий стимул, соответствующий толчок для того, чтобы он проявил максимальную добросовестность и возместил вред тому человеку, который страдает по его вине.

Если говорить о том, кто должен, по моему мнению, принимать эти рекомендации, я думаю, что лучше всего пойти по пути принятия бланкетной нормы, возлагающей эту обязанность на правительство. Почему? Мы видим, что Верховный Суд многократно возвращался к вопросу о размере морального вреда, но, к сожалению, все усилия Верховного Суда до сих пор не привели к тому, что этот моральный вред возмещается в адекватном размере.

Более того, я не думаю, что у Верховного Суда окажется достаточно воли для того, чтобы сломать сложившуюся в том числе под руководством Верховного Суда судебную практику и перейти к адекватным размерам компенсации. И я также не думаю, что Верховный Суд достаточно хорошо себе представляет те или другие возможности той же службы судебных приставов по взысканию вреда. А правительство, в подчинении которого находятся служба судебных приставов и Минюст, мне кажется, они в большей степени в курсе тех реалий, которые у нас существуют, и, наверное, они более качественно, скорее, выполнили бы эту работу.

И последнее, что я хочу сказать, я поддерживаю предложение Дениса Васильевича Новака о том, чтобы провести социологическое исследование. Это исследование должно охватить самые разные группы населения, в том числе и плательщиков причиненного вреда. То есть мы должны исходить из трех, как я понимаю, критериев. Первое – общественное представление о справедливости. Второе – это фактическая возможность исполняемости судебного решения. Третье – это достаточность компенсации этого вреда для того, чтобы

человек все-таки наиболее полноценно смог вернуться к жизни после полученной им травмы, после полученного им вреда. Насколько это может позволить такая компенсация.

Вот эти три критерия, я думаю, мы должны положить в основу принимаемых решений.

Спасибо.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Большое спасибо, Андрей Владимирович.

Если проводить такое исследование, вопрос к Вам скажите, пожалуйста, какая площадка была бы наиболее уместной для проведения такого социологического исследования из общественных гражданских институтов?

А.В. БАБУШКИН

Я думаю, что наиболее эффективно такую работу могли бы выполнить социологические наши институты – Левада-центр, ВЦИОМ, но, конечно, техническое задание должно быть разработано ассоциацией юристов при содействии Совета Федерации, Министерства юстиции, Адвокатской палаты, Генеральной прокуратуры. Также наш Совет по правам человека при Президенте России тоже готов поучаствовать в разработке такого задания для социологов.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Спасибо большое.

Я хотела услышать Ваше согласие на участие в этой работе.

Уважаемые коллеги, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Толчеев Михаил Николаевич.

М.Н. ТОЛЧЕЕВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Меня слышно?

Конечно, большая очень работа проведена и очень значимая работа, поскольку применение подобных методик вообще хотя бы как ориентира значительно повышает уровень правовой определенности в этом вопросе. Вместе с тем я бы хотел коснуться вопроса как раз, по какому пути пойти принятия и применения этих методик расчетов и так далее. Конечно, если закрепить нормативно или квазинормативно разъяснениями Верховного Суда и так далее, это будет более действенно и более что ли адекватно сегодняшнему состоянию для того, чтобы его как-то изменить.

Но это будет, правда, очень непривычно для российской действительности, поскольку, как Андрей Владимирович уже сказал, не видели подобных вещей, чтобы Верховный Суд подобные документы каким-либо образом закреплял в своих рекомендациях. А если говорить о нормативном закреплении, то здесь речь идет о том, что доктринально для нас это непривычно, и закрывает определенное окно возможностей, если установить определенные рамки. С другой стороны, это тоже этический вопрос, как Денис Васильевич обозначил, то есть мы фактически определяем (извините, может быть, это грубо прозвучит), как определить стоимость отдельных органов и так далее. Поэтому в этом, наверное, самая большая сложность этого вопроса, который мы сегодня обсуждаем.

И здесь я хотел бы обратиться, собственно, к истокам, которые достаточно широко были освещены в материалах, которые нам были предоставлены в этом проведенном исследовании. Но я хочу обратить внимание, что в минимизации взыскиваемых сумм большую роль сыграл именно Верховный Суд, ну, вообще проверяющие инстанции – апелляция, кассация (а раньше – кассация и надзор) и так далее, потому что мы не видим большого разброса уже на протяжении значительного времени.

Да, сейчас Верховный Суд немного меняет свою позицию. Но тем не менее в прежние годы мы не видели большого разброса в повышении этих сумм, именно потому что Верховный Суд, кассация, апелляция отменяли такие решения, основываясь на собственном усмотрении. Здесь я соглашусь с представителями Генеральной прокуратуры в том, что, конечно, должно быть еще и понимание того, что, если законодатель передал вопрос на усмотрение (в определенных, конечно, рамках) какой-то инстанции, то такое усмотрение в пределах всего процесса должно быть всего у одного субъекта. То есть если суд в первой инстанции, реализуя свое усмотрение, не вышел за рамки этого усмотрения, то апелляция не должна иметь возможности отменить такое решение только потому, что у нее другой взгляд. Как европейский суд ориентировал нас в таких случаях: только когда нарушены правила применения этого усмотрения, например, когда ни один разумный судья не принял бы такого решения. Само по себе усмотренческий, конечно, момент, но тем не менее.

Поэтому, на мой взгляд, очень много будет зависеть, конечно же, именно от Верховного Суда и от его позиции. Именно поэтому я считаю, что Верховный Суд обладает достаточными адекватными инструментами. И из того, что Артем Георгиевич предложил, я считаю более правильным, наверное, третий вариант. И я не думаю, что он такой долгий, что нужно ждать, когда суд первой инстанции применит эти разъяснения, которые мы тем или иным образом утвердим, согласуем и так далее.

Верховный Суд, отменяя какие-то решения уже по состоявшимся делам, может сам сослаться на эти рекомендации и сказать, например, что те суммы, которые присуждены в данном, конкретном случае, неадекватны, и следует руководствоваться этими

рекомендациями, которые устанавливают определенные ориентиры. И, если, Верховный Суд будет достаточно последователен в этом, то я думаю, что мы достаточно быстро могли бы прийти к этим ориентирам и к использованию этих методик, сумм, способов расчета и так далее. Но при этом мы не лишим судебные инстанции того самого окна возможностей, когда мы говорим (вот Андрей Владимирович сказал), что должен учитываться плательщик, причинитель вреда, с которого взыскивается, его личность, его особенности. Я думаю, что я соглашусь с разработчиками этой методики, что надо давать разную оценку глубине физических, нравственных, эмоциональных страданий или стоимости, ценности жизни и здоровья, в зависимости от региона, наверное, не следует.

Поэтому говорить о том, что это должны быть разные и где-то понижающие коэффициенты... Нет. И, конечно, какой-то минимальный ориентир минимальной стоимости тоже очень важен.

Но возникают вопросы в практике, когда личность причинителя имеет существенное значение и по иным... не только в результате его платежеспособности. Ну вот тут известны те случаи, которые относятся, наверное, к политике права, которые суд реализует в том числе.

Опять-таки, говоря о корпорациях. Для корпорации, если мы сейчас определим определенно какую-то методику расчета, корпорация может в какой-то момент сказать, что, ну, я могу себе позволить вот эти траты. Поэтому суд, имея большее дерево возможностей, вариантов, и не сковывая до конца определенными вот этими методиками, может, руководствуясь и вопросами политики права, конечно, увеличить вот эти суммы, исходя из каких-то других, значимых интересов и ценностей защищаемых. В остальном мне очень импонирует этот подход. Это, правда,

изменение правовой определенности, если нам удастся в нашей правовой практике это реализовать. Спасибо.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Михаил Николаевич, я Вас благодарю за взвешенный подход.

Уважаемые коллеги, передаю микрофон в Ростов-на-Дону.

Адвокат Адвокатской палаты Ростовской области Малова Елена Геннадьевна, пожалуйста.

Е.Г. МАЛОВА

Добрый день, коллеги! Слышно?

Уважаемые коллеги, для начала хочется, конечно, поблагодарить Ирину Александрову Фаст и всех членов комиссии действительно за такую проделанную работу и прорыв, наверное, будущего нашего в рамках правоприменительной практики по институту компенсации морального вреда.

Что хочется отметить? Действительно, Ирина Александровна правильно отметила, что основная проблема — это отсутствие единообразного подхода к взыскиваемым суммам.

Но есть еще одна немаловажная проблема. Мы забываем о наших гражданах, которые в принципе руководствуются не только по данной категории дел (жизнь, здоровье, нематериальные блага), но и по иным спорам, в связи со сложившейся практикой употребляют взыскиваемые суммы в просительной части требований, которые, наверное, намного завышены. Для нас не секрет, что люди имеют доступ в пространство социальное в виде практик у различных регионов, по малозначительным спорам могут заявить сумму взыскания компенсации морального вреда от миллиона до 10 млн рублей.

Порой очень сложно объяснить простому гражданину при оказании юридической помощи, что в законодательстве и в целом у

нас в правоприменительной практике отсутствует какой-либо подход единообразный. Поэтому данные методические рекомендации с точки зрения вообще всего являются хорошим подспорьем не только для правоприменителей, но и для граждан. Прежде всего, конечно, они нацелены на тех лиц, которые отправляют правосудие. И сегодня много высказывалось мнений, выступления полностью поддерживаю каждого из коллег.

Хотелось бы, конечно, от лица адвокатского сообщества высказать свои предложения и, возможно, для усовершенствования данной системы.

Ну, прежде всего, любые рекомендации, они, как правило, носят рекомендательный характер, и мы не можем гарантировать то, что будут их исполнять даже суды, несмотря на то, что они будут приняты непосредственно и утверждены Верховным Судом. Это первая проблема, с чем мы столкнемся.

Вторая проблема. Конечно, в идеале нужно придать законодательность данным рекомендациям. Но мы не готовы пока к данному моменту, если данный инструмент мы не реализуем на практике. То есть нам нужно посмотреть, насколько предложенная методика с кейсами и с коэффициентами даст какие-то свои плоды положительные.

Самое главное (согласусь с Денисом Васильевичем), это с осторожностью употреблять индивидуальные коэффициенты для установления степеней страданий. Сложно оценить жизнь ребенка в цифрах. Для кого-то из членов семьи это единственный ребенок, который был в семье, у кого-то многодетная семья.

И степень страдания, если мы придерживаться будем какой-то определенной, конкретной суммы, для каждого будет индивидуальной. И невозможно будет законно принять справедливое

решение, если у нас будет градация именно с учетом индивидуального коэффициента. Поэтому соглашусь, что нужно, если мы применяем какие-то позиции по суммам, то они должны быть едины для всех, чтобы не отходить от этой ситуации.

Второй момент. С точки зрения твердой денежной суммы, то, конечно, безусловно, соглашусь с Андреем Владимировичем, который предложил привязать эту сумму к величине прожиточного минимума, дабы как-то справедливо регионы (да?) упорядочить по и степени заработка, доходов и других обстоятельств.

Что касается, как мы видим данный документ. Безусловно, в идеале это модель автоматизированной системы на примере расчетов (вот как у нас есть калькулятор госпошлины и так далее), то есть те программы, которые позволят вводить коэффициенты, и автоматизировано считать сумму компенсации морального вреда. Но при этом должны быть учтены все те нюансы, о которых мы сегодня проговорили — и индивидуальный коэффициент, и сумма.

На наш взгляд, вот Ирина Валерьевна правильно обратила внимание на реальность исполнения по коэффициенту, который предложен в настоящее время. Возможно он завышен, возможно он носит справедливый характер с учетом социологического проведенного исследования. Думается, что нужно еще более отнестись детально к проработке сумм, чтобы не ошибиться действительно в данном вопросе. Это очень важно.

И если данные рекомендации в нашей правоприменительной практике дадут положительный какой-то результат, то, соответственно, можно говорить и о внесении изменений в действующее законодательство, в статью 151 Гражданского кодекса, и употреблять отсылочную норму на ссылку данных мне рекомендаций.

В целом необходимо также внимательно относиться к субъектному составу причинителя вреда, не забывать о том, что мы столкнемся с проблемой исков к организациям бюджетным, коммерческим и к обычным гражданам, которые совершили посягательство на жизнь и здоровье. То есть если поставить на весы сумму равную 4 млн рублей за жизнь и здоровье ребенка от двух членов семьи согласно рекомендации к простому физическому лицу, которое совершило преступление и отбывает наказание, то мы понимаем, что эта сумма будет просто не исполнена, не реализована в действующей практике. И поставить на весы тоже жизнь ребенка по вине, допустим, перинатального центра, когда смерть ребенка возникла по вине медицинской организации, несопоставимо – субъектный состав различен, соответственно, и подход должен быть такой.

В целом, конечно, мы поддерживаем данные методические рекомендации, готовы всячески содействовать, сотрудничать, проводить какие-то исследования. И думается, что в будущем будет хороший положительный опыт правоприменительной практики, и суды будут руководствоваться принятыми рекомендациями. Спасибо.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Спасибо большое, Елена Геннадьевна.

Я хочу вернуть сейчас микрофон Ирине Александровне. Возможно, Ваши коллеги хотят прокомментировать все услышанное.

И, коллеги, понимаю, что мы уже работаем 1,5 часа, нам надо выходить на подготовку конкретного, абсолютно конкретного документа. Мне очень нравится, что наша работа носит вот такой прямо последовательный и абсолютно конкретный характер.

Поэтому, пожалуйста, Ирина Александровна, если хотите кому-то дать слово. Мой вопрос, наверное, все-таки Артему

Георгиевичу. Не возникло желание по итогам обсуждения уже каким-то образом сейчас подкорректировать эту методику, чтобы она была наиболее полная. И вот все, что Вы слышали, пожалуйста, каким образом мы можем реализовать в ближайшее время.

Ирина Александровна, пожалуйста.

И.А. ФАСТ

Ирина Валерьевна, в нашей методике предусмотрены все те коэффициенты, про которые сейчас говорили коллеги. И, мало того, вот сейчас коллеги из Ростова говорили об автоматизации методических рекомендаций, мы уже сделали этот калькулятор. Я просто понимаю, что мы сегодня ограничены во времени и, может быть, не сможем его посмотреть, но в любом случае мы всем пришлем ссылку, всем участникам сегодняшнего мероприятия, для того чтобы вы поняли, что это на самом деле считается все элементарно.

Все коэффициенты, касающиеся материального положения физического лица, касающиеся того, что это организация, которая создает повышенный уровень опасности для окружающих людей (ну, вот горящих, например, в "Зимней вишни"), степень страданий человека, то есть все это там учтено и все это внутри методики оно зашито. Поэтому, говоря о том, что человеку будет неподъемно заплатить какой-то вид компенсации, мы это сразу подразумеваем, что в Гражданском кодексе предусмотрена возможность понижения... *(Искажение звукозаписи.)*

... в случае тяжелого финансового положения суд может это учитывать. И, в общем-то, все комментарии, которые даны коллегами, я считаю, что они внутри методики уже учтены.

У меня еще просьба. У нас сегодня еще здесь есть представители Уполномоченного по правам человека в Российской

Федерации, они очень активное тоже участие принимали, и у меня еще есть пара комментариев от коллег, которым не досталось точки подключения, но они очень просили озвучить. То есть я после отступления небольшого...

С.В. ЛОБЫРЕВ (?)

Благодарю. По поручению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации рабочий аппарат принимал участие в подготовке этой методики. В связи с этим концепция ими полностью поддерживается, так как позволит гражданам, находящимся в сложной жизненной ситуации, в отдельных случаях восстановить свое здоровье, в отдельных случаях улучшить свое положение, улучшить свои жизненные условия.

Относительно формы акта, которым в оперативном порядке возможно внедрение отдельных положений методики, хотели бы предложить рассмотреть вопрос участия судебного департамента, так как он имеет возможность относительно деятельности судов издавать какие-то правовые акты, привлечь судебный департамент к распространению этой методики и отчасти ее внедрения. И, естественно, рабочий аппарат по поручению Уполномоченного по правам человека примет активнейшее участие во внедрении этой методики. Мы ее полностью поддерживаем. Благодарю вас.

И.А. ФАСТ

И у меня есть тоже письменный отзыв от двух наших коллег. Это аппарат уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации. Я озвучу.

Добрый день, уважаемые коллеги! Выражаю признательность за возможность высказаться по столь важному вопросу, несмотря на существующие трудности в связи с происходящими событиями. Определение размера компенсации за жизнь, здоровье и личную

неприкосновенность и методы его подсчета в настоящее время является одним из наиболее актуальных запросов общества. И в адрес Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка поступают обращения граждан, в которых размер присужденной компенсации, к примеру, за причинение смерти кормильцу, не может соответствовать интересам ребенка, потерявшего одного из родителей.

И еще нашей рабочей группой разработан проект методики. Этот труд основан как на конкретных примерах судебной практики в стране, так и на опыте зарубежных стран. Считаем, что данная методика соответствует действительности, является продуманной, обоснованной и позволит исключить пробелы, существующие в настоящее время при решении вопроса о взыскании компенсации морального вреда. И в связи с этим мы поддерживаем внедрение в действующий порядок взыскания компенсации морального вреда. Вот такой у нас есть отзыв от аппарата уполномоченного по правам ребенка.

И также у нас Роман Бевзенко, профессор Российской школы частного права, также он просил озвучить свою позицию. Он считает, что изменить существующую ситуацию можно только внесением поправок в действующее законодательство, то есть это его позиция. Однако методику он поддерживает и особых замечаний к ней не имеет. Его позиция сводится к тому, что в идеале, конечно, чтобы такие вопросы, связанные с жизнью, здоровьем рассматривал суд присяжных. Но это, наверное, какой-то следующий этап развития.

Ну и, кроме того, доводы, которые сегодня излагались в отношении возможности платить (заплатить — не заплатить), ну, это тоже позиция Романа Бевзенко, он считает, что основным причинителем вреда у нас гражданам... то есть гражданин в таких

правоотношениях, он всегда выступает слабой стороной, и основной причинителем вреда являются коммерческие организации либо органы государственные. Поэтому говорить о том, что основанием для снижения вот этой даже базовой вменяемой компенсации, про которую мы сегодня говорим, в принципе, их на самом деле и не может быть, потому что для гражданина мы имеем коэффициент, который может понижать его ответственность, но для организации это коэффициент один. Спасибо огромное.

Я пару моментов хотел добавить.

Коллеги, я хочу привлечь ваше внимание, что мы проводили несколько социологических опросов, и один из них достаточно репрезентативный. Я не уверен, что кто-то еще сделает такой опрос – среди юристов.

Дело в том, что, как в самом начале было верно отмечено, опрос среди простых граждан, он не очень репрезентативный, потому что многие граждане просто даже не знают до конца о тех возможностях, которые предусматривает Гражданский кодекс, если они раньше не сталкивались в своей практике или в жизни с подобными ситуациями, они могут ориентироваться на американские фильмы и так далее.

Поэтому мы посчитали самым показательным опросом опрос среди юристов и основные усилия приложили к проведению такого опроса в юридическом сообществе. И этот опрос очень репрезентативный, в нем участвовало больше 1 тысячи человек. И, как мне кажется, его можно взять за основу как некий основной социологический опрос. Я не уверен, что стоит проводить еще какие-то опросы. Ну, при желании это, конечно, возможно сделать, просто у меня есть опасения, что это может нашу проблему

замусолить на долгое время – потом еще какие-то опросы проводить, еще откладывается эта тема. Стоит ли нам это делать? Не уверен.

Вот тот опрос, который мы проводили... Мы в самом начале юристов просили поставить себя на место не только потерпевшего (что психологически как раз проще сделать опрашиваемому – поставить себя на место потерпевшего), мы говорили: поставьте себя также на место и причинителя, вы также можете оказаться и причинителем вреда: постарайтесь определить справедливую компенсацию, как говорится, за завесой неведения.

Есть такой прием логический: если ты хочешь определить справедливость, поставь себе завесу неведения, не зная, кем ты окажешься – причинителем или пострадавшим. Это легко видно по кейсам или ситуациям с ДТП: ты можешь оказаться и причинителем вреда, и потерпевшим.

Мы их призывали взвешивать эти все взгляды на эту ситуацию и определять справедливость сбалансированно. Мы понимали риск того, что, если все время призывать к тому, что "смотрите на ситуацию через призму пострадавшего", (*неразборчиво*) ...могут быть завышенными. Надо учитывать, что в России все-таки зарплаты невысокие, и проблема специфики экономической жизни нашей страны тоже не подлежит учету.

В этом плане мы стояли перед развилкой. Дело в том, что действительно причинитель вреда, без умысла причинивший вред... Самый классический пример – ДТП. Любой из нас, кто управляет автомобилем, может оказаться в такой ситуации, может оказаться в драматическом положении. Потому что в рамках банкротства компенсация морального вреда не списывается. То есть, если гражданин объявит свое личное банкротство, возмещение

морального вреда, согласно нашему законодательству о банкротстве, не списывается, этот долг будет на нем висеть.

Поэтому, конечно, суммы компенсации, которые в качестве базовых предусматривались, учитывали все эти обстоятельства. Но, безусловно, мы брали среднее какое-то состояние дел среднего ответчика. И, если ответчик окажется совсем в плачевном состоянии, есть статья 1083 ГК, которая позволяет суду снижать компенсацию, и мы в рамках методики это заложили. Потому что, конечно, особенно, если не было умысла и речь не идет о преступлении, то этот фактор должен учитываться.

Если речь идет о преступлении, человек отбывает наказание, я считаю, мы не должны думать о нем и снижать компенсацию, исходя из его бедственного положения. Положение может быть бедственным, а может быть и небедственным. Человек – преступник может иметь квартиры, дачи, у него могут быть машины, на которые можно обратить взыскание. Если такого имущества нет, ну, да, исполнить решение будет очень сложно. Но это общая ситуация. Если этот человек разобьет Bentley на дороге, никто не будет спорить, ему присудят к уплате миллионы рублей. Да, решение может оказаться неисполнимым в отдельных случаях, а в отдельных случаях – исполнимым. Думая о ситуациях, когда исполнить не получится, мы не должны на основе этого занижать компенсации для всех общих случаев.

Поэтому истец, если он осознает, что ответчик абсолютно неплатежеспособен, может и не предъявить такой иск. При этом есть масса случаев, когда ответчики вполне платежеспособные – те же самые корпорации. И, имея их в виду, мы должны все-таки устанавливать размер базовых компенсаций без оглядки на то, что в

отдельных случаях решения могут быть не вполне исполнимыми. Это первое замечание.

Второе замечание — насчет ответчиков-организаций, я бы хотел привлечь ваше внимание к этому аспекту.

Действительно, как нам кажется, если ответчик является коммерческой организацией, который своей деятельностью создает массовые риски массовых деликтов, массового нарушения прав человека на жизнь и здоровье, то ответственность должна повышаться с учетом повышающего коэффициента. Я очень рассчитываю на то, что этот фактор все-таки будет учтен и в рамках методики, если она будет реализована, останется, потому что тут некий фактор, который обеспечивает дифференциацию компенсаций для отдельных ситуаций.

Теперь по поводу замечания Дениса Васильевича. Действительно, очень сложный вопрос, вообще вопрос фундаментальный, и политико-правовой, и даже философский: должны ли компенсации морального вреда быть максимально объективизированы, в минимальной степени учитывать индивидуальные особенности потерпевшего и индивидуальную степень страдания? То есть это должна быть некая абстрактная компенсация, которую мы вменяем любому человеку, потерявшему ребенка, или любому человеку, который столкнулся со слепотой на один глаз, или... *(неразборчиво)*, например? Или все-таки компенсация должна учитывать индивидуальные особенности?

Денис Васильевич согласен с тем, что, конечно, индивидуальные особенности должны учитываться, но только в сторону повышения этой компенсации. Возможный вариант. Но меня смущает и создает для меня определенное напряжение такое соображение. Не получится ли так, что, имея в виду разные

конкретные жизненные ситуации... Например, потеря ребенка. Человек мог потерять ребенка, которого воспитывал, любил, вкладывал в него всю жизнь, и он мог потерять ребенка, которого он не воспитывал, на самом деле они находились в конфликтных отношениях личных и вообще не разговаривали уже много лет. Жизненные ситуации могут быть разными. Чувство справедливости требует дифференциации: в одних случаях больше, в других – меньше. И суды... Верховный Суд в своих делах всегда проводил эту идею – о том, что компенсация должна быть индивидуализирована.

И вопрос: не получится ли так, что кто-то, кто будет утверждать эту методику, например Верховный Суд, при обсуждении различных кейсов, которые могут иллюстрировать применение этой методики, столкнется с тем, что могут быть случаи, когда это слишком много – 4,5 миллиона или 2 миллиона для родителя, и при этом взрослый ребенок находился 10 лет в конфликтных отношениях с родителем, и при тому подобных обстоятельствах (это много, давайте установим меньшую базовую компенсацию, чтобы учесть вот эти различные ситуации)? У нас базовая вменяемая компенсация на этапе утверждения может просто оказаться заниженной, чтобы... если тот, кто будет утверждать эту методику, будет понимать, что меньше он опуститься не может, что это базовая вменяемая компенсация в контексте индивидуальных особенностей – нижний порог. Эта сумма может быть занижена. Вот это меня смущает. Если быть уверенным в том, что на этапе утверждения этого не произойдет, предложение Дениса Васильевича кажется вполне реализуемым. Но есть опасение, что это может произойти, и тогда у нас уже базовая вменяемая компенсация начнет занижаться. Этого не хотелось бы. Такой компромисс можно было бы реализовать, как мне кажется.

У нас коэффициент индивидуальных особенностей и вообще индивидуальной степени страданий потерпевшего – от 0 до 5. Мы можем установить нижнюю границу коэффициента не 0,1, а 0,7, к примеру, при котором мы сможем все-таки позволить судам снижать с учетом специфики конкретного человека и его страданий, но не настолько драматически, как предлагалось в нашей исходной методике. Это возможный компромисс. Мне кажется, он вполне реализуемый.

В конечном итоге мы помним, что это всего лишь рекомендация. Если судья увидит какие-то уникальные обстоятельства дела (например, у отца с ребенком были не просто плохие отношения, а чуть ли не конфликт на уровне преступлений каких-то и посягательств), то он может и просто признать, что никакого морального вреда нет, и обнулить. То есть какие-то уникальные ситуации могут решаться уникальным образом, имея в виду, что мы обсуждаем лишь методику рекомендательную. Это по поводу замечания Дениса Васильевича.

И последнее – насчет реализации этой идеи. Дело в том, что у нас есть масса постановлений правительства Российской Федерации, которые утверждают методические рекомендации. То есть это нормативно-правовой акт, содержание которого чисто рекомендательное. То есть правительство издает постановление утвердить в качестве методических рекомендаций для расчета даже и компенсаций каких-то следующую методичку.

Ну и все по этой методичке работают, воспринимая ее как очень рекомендуемый документ, фактически, как правило, ему и следуют, за исключением каких-то уникальных ситуаций.

Насчет закона, который утверждал бы рекомендации, я не знаю, такой пример мне неизвестен. Но, если будет принят закон,

который переложит на правительство принятие этого методического документа, ситуация будет быстро реализована, потому что если такая бланкетная норма в кодексе появится вот прямо осенью, правительство, ну, не может не принять такой методический документ. У нас появляются однозначные гарантии, что методичка, такая или уточненная, может появиться. Наверное, функцию разработки возложат на Министерство юстиции, которое может опереться на основу нашей методики.

Второй вариант – Верховный Суд. Коллеги, действительно трудно себе представить, честно скажу, постановление Пленума Верховного Суда, утверждающего такие рекомендации. Такого не было. Но вполне может быть, если руководство Верховного Суда концептуально идею поддержит, они могут просто в обзоре судебной практики ежеквартально, у них есть такая практика, ответы на вопросы, просто сформулировать ответ на вопрос, можно ли при расчете компенсации морального вреда суду использовать методические рекомендации, утвержденные Ассоциацией юристов России или кем-то еще. И Верховный Суд говорит: "Да, конечно, возможно". Плюс пара дел в кассационном порядке пересмотрена, где Верховный Суд ссылается на эти методические рекомендации, и я думаю, дело может сдвинуться с мертвой точки.

Я бы рекомендовал, может быть, чисто тактически... Хотя я не специалист в этих вопросах законотворческих и продвижения идей на этапе реализации на будущее, это скорее к ученым. Я бы подумал о следующей практике: может быть, провести встречу именно с Верховным Судом и понять, насколько они готовы реализовать вот этот сценарий Верховного Суда. Назовем его так. Если они готовы его оперативно реализовать до конца года, может быть, с какими-то уточнениями, может быть, даже какую-то рабочую группу

согласительную сформировать, в которой мы могли бы принять те или иные уточнения и методические рекомендации довести до конца, то, может быть, и не нужно беспокоить тогда парламент о принятии каких-то законов и правительство Российской Федерации о разработке какого-то постановления. Если там это все застопорится, то тогда вариант "А" – поправки в ГК и постановление правительства. Ну, вот чисто тактически, может быть, стоило бы на этом остановиться в качестве какой-то "дорожной карты" реализации этой идеи. Спасибо.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Артем Георгиевич, спасибо большое за высказанное мнение. Я позволю себе только не согласиться с двумя моментами, с такой срочной оперативностью, о которой Вы говорите. Действительно, проблема-то назревшая и перезревшая, но понятно, что в течение ближайшего времени, естественно, мы ее не решим. Нам надо двигаться... Я считаю, что уже сделан очень хороший шаг, уже есть база, уже есть методика, можно от чего-то отталкиваться, что-то может стать предметом обсуждения. Более того, в Верховном Суде нас очень внимательно слышат, и сейчас Виктор Викторович нас видит, просто у него нет возможности с нами принять участие в режиме ВКС, но он смотрит нас в интернете, и он собирался действительно сегодня прийти. Просто, поймите правильно, в связи со сложившейся ситуацией в Москве не рекомендованы вот эти передвижения. Поэтому Верховный Суд открыт и готов воспринимать все наши рекомендации. Единственное пожелание, которое я передаю от имени Виктора Викторовича Момотова, о том, что, конечно, Верховный Суд – это прежде всего орган правоприменительный и проще было бы в своей работе опираться на нормативную базу, имеющуюся уже.

Поэтому возникает несколько вариантов, которые мы сегодня обсуждаем. Для того чтобы они имели под собой еще более прочную основу, я бы все-таки не отходила сейчас от предложения большинства выступающих провести дополнительный опрос. Это не займет много времени, но зато это даст нам, во-первых, более репрезентативную практику. Мы можем запросить, учитывая возможности Совета Федерации, мнения регионов. Мы можем запросить мнение всех адвокатских образований, которые есть в Российской Федерации, тем более что все участники высказали такую готовность.

Помимо адвокатов есть еще целый ряд правозащитных институтов, правозащитных организаций, которые, я уверена, тоже могли бы высказать свое мнение.

После обобщения вот этих данных, возможно, ваша методика не претерпит изменений, а возможно, она только улучшится.

Для меня сейчас ключевой момент... Я тоже, в общем-то, так же как и вы, хочу, чтобы мы определились с временными сроками. И я вам озвучу то, что есть на сегодняшний день у нас.

У нас 15 апреля, если ничего не изменится (мы очень надеемся, что в этом ритме будем работать), состоится заседание Совета Федерации, соответственно, 14 апреля состоится заседание нашего комитета профильного по конституционному законодательству, где мы могли уже утвердить рекомендации. А это первый документ, который позволит разослать вашу методику и наши рекомендации всем заинтересованным структурам — государственным органам, организациям и так далее. То есть вот уже начиная с 14 апреля мы могли бы двигаться в этом направлении. Поэтому я очень хочу попросить всех, кто сейчас с нами работает, до этого срока в письменном виде передать свои предложения.

И, Артем Георгиевич, тогда лично к Вам, поскольку Вы занимались не только разработкой методики, но и разработкой опросной анкеты, пожалуйста, если это возможно, также передайте ее нам, для того чтобы мы могли ее растиражировать, возможно, чем-то дополнить и выяснить мнения у россиян прежде всего.

На что, наверное, надо бы обратить внимание в этой анкете. Я, к сожалению, ее не видела, не знаю, как она построена. Но я так предполагаю, что, конечно, нам надо выяснить мнение по поводу базовой вот этой суммы, о которой вы говорите, как она должна исчисляться. Очень правильный подход, когда ты вслепую, не зная, на какой стороне, за какую сторону принимаешь решение, как-то это должно быть, наверное, отражено. Причем, возможно, это будут какие-то вопросы, адаптированные для человека, не имеющего базового юридического образования, и для специалиста, который в этой сфере работает. Вот, возможно, мы могли бы адаптировать эту анкету и, соответственно, очень быстро ее запустить.

Я скажу, что по опыту работы Совета Федерации, мы такие опыты уже проводили, в частности, анкетировали педагогическое сообщество на предмет излишней нагрузки на школьных учителей. И, в общем-то, на это ушло у нас по большому счету два месяца. Месяц проводилось анкетирование, причем в различных формах – и письменно, и на сайт к нам шли отзывы, и еще, наверное, где-то месяц мы обрабатывали. В масштабах существующей проблемы это не такие большие сроки. И, более того, мы готовы с учетом возможностей Совета Федерации обобщить все это, естественно, здесь и каким-то образом потом видеть эту картину и ее использовать. Это то, что касается опроса.

Далее – то, что касается подготовки все-таки какого-то итогового документа. Я тоже склоняюсь к тому, что все-таки это

должны быть рекомендации, утвержденные постановлением правительства, вероятно. Но это достаточно сложный путь. Путь, во-первых, согласования нескольких органов, здесь не только Минюст, мне кажется, будет отвечать за эту сферу. Здесь несколько профильных министерств, прежде всего Министерство здравоохранения и Министерство труда и социальной защиты и так далее. Поэтому тут важно определиться с перечнем этих органов. Безусловно, ключевое слово остается за Верховным Судом. Учитывая, что есть возможность и есть интегрированные структуры – научно-исследовательские институты в составе и тесно сотрудничающие с Верховным Судом, возможно, эти рекомендации могли бы быть пропущены в том числе и через них, чтобы в дальнейшем Верховному Суду проще было бы опираться на это мнение. Поэтому вот я считаю, что сегодня сделан очень хороший и правильный, такой мощный шаг вперед, дальше нам надо определяться со стратегией.

Поэтому большая просьба, коллеги, в отведенное время, до 14 апреля, наверное (вот мои коллеги из аппарата здесь рядышком), даже до 12 апреля. Да?

С МЕСТА

Дня за три до комитета.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Давайте да, вот определяемся, что до 12 апреля мы ждем в рабочем порядке от вас все предложения. Соответственно мы продолжаем общаться с Ириной Александровной напрямую и все в оперативном порядке снимать. Но было бы правильно, если бы мы вышли уже после 15-го, во-первых, на анкетирование и, во-вторых, на предложения, адресованные конкретным органам, в том числе и тем, которые принимали сегодня участие в обсуждении, высказать

свое мнение. Вот мне кажется, что сначала надо получить общее позитивное одобрение в целом этой концепции, а затем уже двигаться в сторону, естественно, ее нормативного оформления.

Поэтому если возражений принципиальных по поводу таких предложений нет, то я хотела бы каждого из вас поблагодарить за участие.

Видела в ассоциации юристов своего коллегу из Ростова Александра Александровича Чухутова. К сожалению, его уже нет. У него тоже была заявка на выступление. Я, правда, с трудом его узнала, но узнала. Ему большой привет. Вижу, что он уже ушел.

Возможно, были еще желающие высказаться. У нас, к сожалению, уже заканчивается возможность общения, поэтому в оставшееся время готовы все ваши предложения в письменном виде изучить, рассмотреть. Одновременно можно направлять их нам и Ирине Александровне Фаст, поскольку центр интеллектуальный все-таки находится в Ассоциации юристов России, мы сотрудничаем с ней.

Спасибо большое, коллеги. Всего доброго! Тогда завершаем...

Д.В. НОВАК

Ирина Валерьевна, можно еще предложение?

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Да-да.

Д.В. НОВАК

Такое предложение мне сейчас в голову пришло. Артем Георгиевич говорил, что в том числе важно, что именно сообщество юристов определенный взвешенный взгляд дает. И не случайно, что эта работа проводится на площадке ассоциации юристов. Мне кажется, что можно, если говорить о некоем... *(искажение звукозаписи)* ...вариант дальнейшего оформления этих рекомендаций

тоже рассмотреть, чтобы после проведения (я поддерживаю все, что сейчас было сказано) еще дополнительных исследований Ассоциация юристов России на самом высоком уровне утвердила бы эти методические рекомендации. Безусловно, она объединяет не только юристов в сфере адвокатской деятельности, юристов частнопрактикующих, но и представителей судейского сообщества, прокуратуры, государственных органов. И вот, мне кажется, для дальнейшей уже работы, например, Верховного Суда было бы неплохо, если бы уже на высшем уровне с точки зрения органов АЮР был бы утвержден соответствующий документ для его дальнейшей работы. Вот такое предложение.

И.В. РУКАВИШНИКОВА

Принимается, Денис Васильевич. Безусловно, это будет очень хорошим подспорьем. Но, мне кажется, тогда сначала поэтапно это опрос – опрос населения, опрос юридической общественности, опрос правозащитных организаций, затем на основании этого – решение ассоциации юристов в том виде, в котором оно может быть принято, и дальше мы двигаемся. Самое главное – не делать больших промежутков во времени между этими шагами. Очень хочется действительно в этом году работу эту сдвинуть.

Спасибо большое. Принимается. Спасибо, коллеги. Всего доброго!
